

Дети войны

*Воспоминания новгородки
Л.П. Белоножкиной*

краткая зарисовка

Белоножкина (по мужу) **Людмила Павловна**, девичья фамилия Катина. Родилась 15.07.1933 года в городе Новгороде (теперь Великий Новгород). Отец – Катин Павел Петрович, родился 12.07.1901г. (ум. 13.02.80г.). Мать – Савицкая Наталья Алексеевна, родилась 17.08.1908г. (ум. 03.04.95г.)
Тема: **ДЕТИ ВОЙНЫ** (краткая зарисовка).

Жили мы до войны на улице Лассалья (Михайлова) в д.№63 (справа от пожарного депо), кроме нас в этом доме проживали Прокофьевы и Левшинские. По улице ближайшими соседями были Белозёровы, Богдановы и Миловидовы, а немного дальше - наши родственники — Савельевы и Грязновы — по ул. Славной.

Наша улица была очень красивой, утопала в цветах и садах. Зимой катались на санках с крутых склонов Фёдоровского ручья, всё было прекрасно. Хорошо помню каким ухоженным и уютным был город, всюду белокаменные храмы, красивый ажурный мост через реку Волхов, ничто не предвещало беды.

Когда началась война, мне было почти 8 лет. До сих пор отчётливо помню весь ужас: рёв самолётов, бомбёжки, обстрелы, гибель людей. По объявлению радио о воздушной тревоге, кто могли, бежали в убежище. Животные (кот и собака) понимали угрозу и ни на шаг не отходили от нас. Убежищем нам служила церковь Дмитрия Солунского. Налёты были такими частыми, что мы редко оттуда выходили. Напротив, где сейчас находится Гагаринский рынок, был организован госпиталь. Туда каждый день на грузовых машинах привозили раненых, а с машин текли ручьи крови.

Для населения были созданы эвакуопункты, но мы не торопились уходить из города, так как не знали куда идти и надеялись, что немцев в город не пустят. Баржи с беженцами отходили от пристани у кремля в основном ночью, немцы опережали события и топили их. Из-за реки были слышны крики раненых и утопающих, их некому было спасти и, тем более, хоронить.

Отец работал в Новоселицах в воинской части. Он не мог приехать за нами, в город никого не пускали, выпускали только из города в сторону Москвы. Оставшихся предупреждали, что немцы близко, надо уходить.

14 августа 1941г. ночью я с мамой и сестрой моего отца, Савельевой Анной Петровной, ушли пешком в Новоселицы. Город был объят пламенем, зрелище было страшное: на фоне чёрного горизонта сплошь языки пламени.

Утром 15 августа немцы заняли Новгород.

Отца отправили на фронт, а мы в Новоселицах жили до морозов, питались колосками и уже мёрзлой картошкой, выкопанной на брошенных огородах. Немцы не щадили детей, собирающих в поле колоски, стреляли с самолётов, от обстрелов спасались в трубах под дорогой, больше рядом с полем никаких укрытий не было, страшно вспомнить, каждый день мы рисковали жизнью.

Всему населению было приказано покинуть Новоселицы, так как оставаться там было крайне опасно, немцы часто совершали налёты на этот район потому что в Новоселицах стояла воинская часть. Отец ушёл на фронт, а нас отправили на ближайшую станцию, погрузили в холодные (телячьи) вагоны и повезли не известно куда. Ехали очень долго, подолгу ждали формирования состава, ремонта путей, потому что немцы бомбили составы, пути, во время бомбёжек были жертвы, паника, люди теряли друг друга. На некоторых станциях давали кипяток, создавались большие очереди, люди отставали от поезда.

Наш пункт назначения: Чкаловская (Оренбургская) область, Буранный район, село Покровка. Местное население, да и власти, встречали нас недружелюбно, а дети дразнили нас «ковырянными». В это село был эвакуирован детский дом, при нём открыли школу. Меня зачислили в 1-й класс. Не было ни учебников, ни тетрадей, так нас учили. На детдомовцев было жутко смотреть, все они были истощёнными, постоянно попрошайничали, искали пищу по помойкам, видно их плохо кормили, одеты они были очень плохо. в лютые морозы одежда на них была не сезонная.

Эвакуированным (работающим) выдавали фуфайки и галоши (вместо валенок). Климат в тех краях резко-континентальный, морозы зимой доходили до минус 45 градусов и ниже, бушевали сильные метели (бураны). Можно представить, как мы переживали холода при отсутствии тёплых вещей. Отапливать барак, в который нас поселили, порой было нечем, дров не было из-за отсутствия леса (покупали кизяк и заготавливали высушенную

грубую траву). Барак стоял на окраине села, по ночам под окнами выли степные волки.

Летом стояла невыносимая жара, трава на солнце сгорала, и по степи катались от ветра колючие шары (перекати-поле), этими колючками кормили верблюдов. За ставнями барака можно было встретить ядовитых крупных пауков и совсем рядом в степи водились ядовитые змеи. Так одну нашу девочку едва спасли от укуса змеи, а больница находилась в 40 километрах от села. Больше никто из нас не уходил далеко от дома.

Маму определили на работу возницей на быках и верблюдах, к ним она подходила со страхом, надо было уметь их запрягать, давать команды на местном жаргоне. Особенно трудно было поладить с верблюдами, они лягались и плевались, но для нас они были «службой спасения». Из их шерсти моя тётя вязала нам носки, свитера, шапки, благодаря им мы спасались от холода. Я не видела маму по нескольку дней, так как поездки были дальними.

Местные (работающие мужчины) были одеты в длинные тулупы и валенки, а наши хрупкие городские матери – в короткие телогрейки и онучи (подобие лаптей с какими-то тряпками). Чтобы не замёрзнуть, они всю дорогу шли пешком или бежали за обозом, утопая в снегу, ещё надо было бить по железу и жечь факелы, потому что обозы всегда преследовали стаи волков. Женщины были и грузчиками. За работу маме начисляли трудодни (палочки), а на них выдавали зерно. Чтобы его смолоть, надо было у местных жителей просить жернова, из муки пекли лепёшки и хлеб, а из зерна варили каши. Как правило, местные женщины занимались домашней работой.

Я с ребятами в степи ловила сусликов, их там было несчётное количество, всюду норки, лили в норку воду, а суслики выскакивали в мешок. Мы их варили и ели, сейчас я не могу представить вкус их мяса.

Среди местного населения было много татар и киргизов, они часто на улице готовили мясо овец в больших котлах, а вокруг голодные собаки, ожидающие костей, и детвора. Не всем, но кое-кому доставался кусок мяса.

Моя тётя работала прачкой в детдоме, она была для меня, можно сказать, второй матерью. Грамотная, начитанная, много знала, постоянно следила за событиями на фронте, об освобождении Новгорода узнала в тот же день, 20 января 1944 года.

От отца с фронта изредка получали письма-треугольники, очень хотелось домой, на родину, казалось войне не будет конца. И вот пришла долгожданная весть, наш город освободили от немцев, мы засобирались в обратный путь, хотя понимали, что ожидает нас на родине.

Мы вернулись в Новгород весной 1944 года. Это было страшное зрелище: вместо вокзала строение, похожее на сарай, всюду горы мусора, бурьян, город просматривался насквозь из-за отсутствия домов, всюду руины и торчавшие из них уцелевшие печные трубы.

Встречавший приезжающих комендант города указал нам адрес нашего временного поселения: кремль, подвал под библиотекой и музеем.

Там уже был народ. Располагались прямо на полу кто как мог, все подряд, стар и млад. Мама сразу пошла посмотреть на то, что осталось от дома: одни головешки и пустые ямы, куда при уходе из города были зарыты вещи.

Я до сих пор хожу туда, это помогает мне вспомнить детство, своих друзей по улице, по детскому садику, он был от нашего дома в нескольких шагах, вкус хлеба с настоящим сливочным маслом и запах ароматного какао, что нам давали на завтрак, и всё, что я пережила со своими сверстниками, когда началась война. Сейчас улица стала чужой, скучной, но я снова иду туда.

Кремль было не узнать: около памятника Тысячелетия России валялись на земле фигуры, снятые немцами и подготовленные к вывозу, стены кремля изрешечены снарядами, здание бывшего театра (до войны - ТОР – Театр Октябрьской Революции) стояло без окон, в полуразрушенном состоянии, здесь при немцах была конюшня.

В городе работали минёры, после них можно было на пепелище поживиться какой-нибудь искорёженной кроватью или посудой. Ни одного уцелевшего дома, всюду груды обгоревших кирпичей и «коробки» от бывших домов, разрушенные храмы.

Некому было отстраивать развалины под жильё, привлекали женщин, детей и пленных немцев. Немцы строили понтонный, а потом и деревянный мост через реку Волхов. Каждый день под охраной с собаками водили немцев строем на работы. В то время стояли сильные морозы, через Волхов можно было ходить свободно, ездили даже на санях.

Когда «залатали» кое-какие помещения на Вечевой площади в здании бывшего Горсовета и в «Железных рядах» (недалеко от Никольского собора), началось расселение в эти «хоромы». В одно из таких помещений нас поселили 28 человек, каждая семья (а это женщины с детьми) на своей кровати или топчане, найденных на пепелищах. Проёмы от окон были заложены кирпичами, в небольшое отверстие в стене вставили осколок стекла, через которое проникал свет. К «окну» пристроили кусок фанеры, получился стол, за которым дети-школьники могли делать письменные уроки. Освещением служила коптилка (фитиль, опущенный в банку с керосином). Пока учили уроки у всех под носом оседала сажа, потом смеялись, рисовали себе усы.

Посреди помещения стояла печка-буржуйка, которую надо было из-за холода топить днём и ночью. На ней готовили пищу, сушили одежду, обувь. Стены промерзали, пола не было, крыши тоже не было, в дождливую погоду и во время таяния снега текло с потолка. Условия для жизни были суровые, антисанитарные, мылись и стирали щёлоком из древесной золы, для нас были организованы банные дни в бане на берегу Волхова, там функционировал санпропускник, где прожаривалась наша одежда от вшивости. Жили голодно, месячный паёк, что давали по карточкам, можно было съесть за один день. Ни одеть, ни обуть, но никто не роптал, было трудно всем.

Детей школьного возраста было в городе много и осенью 1944 года на Посольской улице открыли школу, я пошла в четвёртый класс. Всем школьникам был положен дополнительный паёк – «усиленное питание», за которым после уроков мы ходили со своей «посудой» (консервными банками с проволочными дужками) в пункт раздачи на Суворовскую (Никольскую) улицу. Что из себя представлял этот обед? – Настоящая баланда: мутная вода с капустной хряпой и сушеными головами какой-то мелкой ржавой рыбы, на второе каша-размазня, похоже из ржаной муки, политая маргогусалином. Было вкусно, потому что всё время очень хотелось есть, ели всё, что можно было проглотить.

По карточкам на двоих с мамой нам выдавали на день 350 или 400 граммов хлеба, он был очень тяжёлый и тёмного цвета (при взвешивании на старых ломаных тарелочных весах, как правило, нас обманывали).

До сих пор не пойму, как я, отщипывая от этого кусочка по крошке, съедала его за один раз, мама его почти никогда не ела, оставляла мне. На всю жизнь я сохранила воспоминания о страшном чувстве голода, холода, нищеты, и высокой цене хлебу. Тогда не верилось, что когда-нибудь мы поедим его досыта.

Лакомством для нас был подсолнуховый жмых, за которым надо было буквально «охотиться», чтобы его купить. Жмых брали в школу, делились друг с другом, угощали учителей. Итог: - у многих вырезаны аппендиксы.

Конфеты (подушечки), что получали по карточкам, меняли на хлеб (10 подушечек приравнивались к 1/20 буханки хлеба). Очень хотелось съесть конфетку, но разум подсказывал, что хлеб сытнее.

Хорошо помню цену на картошку: маленький, низенький солдатский котелок мелкой картошки стоил 30 рублей, молоко - 80 рублей за один литр.

Картошку иногда покупали, а вот на молоко не хватало маминой зарплаты, она составляла всего около двухсот рублей.

Однажды после получки мама дала мне 40 рублей на пол-литра молока. Была зима, когда я пришла на рынок за молоком, оно у хозяйки уже закончилось. «Пожалев» меня, она наскоблила мне полную банку молочного снега и сказала, что здесь молока будет больше, чем пол-литра. Я отдала ей деньги и счастливая побежала домой. Каково же было моё удивление и разочарование, когда растаял молочный снег, молока оказалось меньше стакана. Я несколько дней плакала, мне было очень обидно, что взрослая сытая тётя так жестоко меня обманула.

В летнее время прожить было легче, появлялся подножий корм: полевой лук, чеснок, крапива, лебеда, грибы, ягоды, но ходить в лес было очень опасно, многие подрывались на минах. Ходили на перекопку картофельных полей в ближайšie деревни, ловили рыбу самодельными снастями, а когда шёл снеток, его можно было «черпать» у берега, так добывали себе корм.

В 1946г. вернулся из Латвии двоюродный брат отца с женой, ранее угнанные туда немцами на работу. Хозяева щедро оценили их труд, дали много разных продуктов, Благодаря поддержке родственников я выжила.

Все, включая детей, чистили город от мусора, разбирали руины, приводили в порядок кремлёвский парк (на деревьях ещё оставались «следы» от виселиц). Позже в парке сажали новые деревья.

На игры и развлечения оставалось мало времени, помогали взрослым и сами быстро выросли, забывая о детстве, такое было трудное время.

Когда мы вернулись из эвакуации, в городе работала организация Гортоп, она находилась за нашей развалиной на Суворовской улице и занимала территорию вдоль Волхова до Вечевой площади, включая аркаду. К аркаде пристраивались стены, такие помещения служили жильём для приезжающих позже.

Так как надо было на что-то жить, мама устроилась на работу в Гортоп, её и других женщин отправили в лес на заготовку дров для города. И снова холод и непосильный для женщин труд. Деревья пилили вручную, обрубали сучья, распиливали на более мелкие куски («шестёрки»), таскали до железнодорожных путей, грузили на платформы, а с собой могли взять только скромный паёк. Летом распиленные деревья грузили на баржи или брёвнами сплавляли по реке. Потом, стоя по горло в холодной воде, вытаскивали баграми тяжёлые брёвна на берег, распиливали и укладывали в «костры». Чтобы наши матери не простудились и не заболели, выдавали небольшое количество спирта, который они не употребляли, а меняли на хлеб. Откуда у этих истощённых женщин брались силы? Они помогали городу жить. А что получили они за свой труд? Болезни и жалкую пенсию, жильё в бараках в отличие от тех, кто отсиделся в Прибалтике, не зная голода, они считаются узниками и получают от государства повышенные льготы и привилегии, или тех, кто вернулся из эвакуации на всё готовое. Мои родители так и не увидели светлого будущего.

Иногда нам выдавали «американские подарки» в виде консервов и кое-какого тряпья. Бывали очень смешные случаи, когда детские распашонки или игрушки доставались старикам, раздатчики разводили руками и говорили, что выдают то, что осталось.

В конце 1945 года после войны с Японией вернулся с фронта отец-инвалид, он прошёл всю войну с пехотой до Берлина, был ранен и несколько раз контужен. На фронте был видным и незаменимым человеком, заведовал полевой кухней, кормил солдат, как он говорил: «Приходилось иногда варить обед из топорича и голенища», часто в кухню попадал снаряд или не было продуктов, война есть война. С приходом отца нам дали в этой же развалине отдельную «комнату» и тоже без пола и крыши.

В таких условиях не могла выжить моя младшая (послевоенная) сестрёнка.

В 1948 году я закончила семилетку, встал вопрос: «Что делать дальше?» Отец работать не мог, а я пошла в вечернюю школу и устроилась на работу в тот же Гортоп, где работала мама, только в отличие от неё, меня взяли, как уже вполне грамотную, в контору счетоводом, к тому времени мне ещё не было шестнадцати лет.

Только в 1951 году мы получили комнату в бараке на Чудовской улице. Закончила вечернюю школу. В 1953 году пришла на завод «Волна», без отрыва от производства закончила Ленинградский радиотехнический техникум, работала конструктором на разработках и на серийном производстве. Стаж на заводе «Волна» более 36 лет.

Муж и мама тоже работали на «Волне». Я с благодарностью вспоминаю годы, которые я посвятила этому заводу. От завода мы получили комнату, за которую муж отработывал на стройке очень много часов, а после рождения второй дочери получили небольшую квартиру - хрущёвку, это было счастье.

Дети выросли, родителей и мужа давно нет, оглядываясь назад, становится обидно за родителей, за наше поколение. Государство перед нами в долгу. Мы в войну потеряли всё: жильё, имущество, здоровье, а нас – детей войны называют «и другие», когда перечисляют ветеранов войны, узников, другого названия, как «и другие», нам нет.

Государство платит царские долги, потомкам многих эмигрантов возвращают имена, а свой народ забыт.

Несмотря на то, что завода «Волна» давно нет, мы, ветераны, и бывшие его работники каждый год в начале февраля собираемся вместе в нашем бывшем доме культуры им. Попова, чтобы пообщаться друг с другом, огромное спасибо нашим организаторам за такое мероприятие. Каждый год мы кого-то теряем, а многие нуждаются в поддержке.

Ветераны труда с огромным стажем работы, на плечи которых легли все трудные послевоенные годы, получили небольшую пенсию, большая часть которой уходит на лечение из-за дороговизны лекарств, платных медицинских услуг.

Услуги ЖКХ - это недостижимая для нас бездна: бесконечно растут тарифы, приписываются лишние кубометры воды, увеличиваются объёмы потребления тепла, придумываются всё новые «поборы», за неуплату «приписок» угрожают отключить электричество и другие услуги.

Обращаюсь к Правительству нашего города и области: «Нас, детей войны» с каждым годом остаётся всё меньше, обратите, пожалуйста, на нас внимание, возможно Ваш звонок или открытка больному старому человеку будет тем лекарством, от которого ему станет легче. Не дай бог кому-нибудь из Вас или ваших детей испытать то, что испытали мы – дети войны, не опоздайте, ведь этот вопрос давно стоит на повестке дня».

(Продолжение: - детские воспоминания)

Я хорошо помню свои «похождения» с четырёх-пяти лет. В городе было спокойно, машин было мало, можно гулять на все четыре стороны. Мне очень нравилось помогать маме по хозяйству, особенно ходить в магазины, меня там все продавцы знали. В ларьке, что стоял на улице Большевиков, отпускали мне для отца табачные и ликёроводочные изделия. Однажды я отправилась в Кречевицкий магазин, что был на берегу Волхова недалеко от бани, за подсолнечным маслом. Мама выдала мне стеклянную полулитровую бутылку и три рубля денег. Она работала тогда в парикмахерской на улице 1-го Мая, но в тот день была дома. На мне были новые и очень скользкие сандалии. Чтобы похвастаться перед мамиными сотрудниками я зашла к ней на работу, хотя знала, что её там нет, и поскакала с ноги на ногу дальше. При спуске с крылечек я упала прямо на бутылку, в руке осталось горло от неё и три рубля, крепко зажатые в кулак, только денежка из зелёного цвета превратилась в красный. Рядом с парикмахерской находилась аптека, где мне оказали первую помощь, дальше – скорая, больница, операция по извлечению осколков. Наложили много швов, осталась память на всю жизнь.

Когда мама стирала, я обязательно принимала в этом непосредственное участие, очень любила полоскать бельё с плотов на Волхове. Наступил долгожданный день, и мы пошли на реку. Как всегда, мне было выдано бельё, и я занялась любимым делом. Прошёл по реке небольшой катер, плоты закачались, и я ушла под них. Моя мама была прекрасной ныряльщицей и пловчихой, она быстро вытащила меня из-под плотов и с тех пор не брала меня с собой на такое мероприятие, но она и не подозревала, что я часто с ребятами ходила на реку покачаться на плотках от волн проходящего судна.

Она родилась на Волхове, с детства ныряла с высоких круч, а когда мы вернулись в Новгород, она без выхода на берег переплывала Волхов туда и обратно, несмотря на вьюры от бомбовых воронок и сильное течение. Умение вести себя в воде спасало ей жизнь в сложных ситуациях, даже когда она провалилась под лёд в глубокой реке Илек во время эвакуации.

Перед войной мама работала на Новгородской мебельной фабрике. Ей надоело разыскивать меня по городу, и она отдала меня в детский садик.

Мне очень нравились занятия танцами, разучивание песен, стихов, всё, чему нас учили в садике, повторяла дома. Соседи меня даже приглашали на все праздники, я их развлекала, придумывала умопомрачительные трюки, они меня хвалили, аплодировали, мне это нравилось, и я старалась изо всех сил, а они от смеха держались за животы. Причём, я кого-то копировала, меняла «костюмы», применяла косметику (какая была), привязывала к пяткам катушки, изображая каблуки, было больно на них танцевать, но я терпела.

Иногда соседи просили поняньчить их маленького Коленьку. Я катала его по двору в самодельной коляске (это был ящик на колёсах). Как-то остановила коляску и не успела отойти, как она покатила под уклон и врезалась в ворота. Коленька выпал, закричал от страха и боли, я его оставила и убежала.

В детстве очень любила животных, меня знали все собаки, все они были ласковыми и спокойными, коты тоже не обходили меня стороной. Я их всех гладила и даже целовала. Это дало свои плоды, как показали анализы. Врач выписал сантонин и сказал, что это лекарство надо принимать строго по инструкции и что его надо подальше от меня убирать. Оно оказалось сладким на вкус, а сладкое я очень любила, конфеты от меня прятали, так как у меня был от них плохой аппетит. Я видела куда мама прятала лекарство, достала и съела все таблетки сразу. Результат не заставил себя ждать и был отличным. Я могла отравиться, так как это был сильный яд, меня отпаивали какими-то снадобьями, а маму за халатность строго предупредили.

В нашем хозяйстве была красивая швейная машинка «Зингер», на которой мама шила мелкие вещи. Я тоже хотела научиться шить, но мне не разрешали, потому что было опасно. Я этого не понимала. Выждав момент, когда машинка была открыта, я попробовала на ней пошить, шитья не получилось, так как я пришила палец. На крик прибежала из кухни мама, сбежались соседи, освободили мой палец, с тех пор я боялась повторить такое шитьё.

Отец был прекрасным столяром и плотником, это ремесло передал ему его отец. У нас вся мебель была изготовлена его руками, я даже помню, что и где стояло: диван, стол, стулья, шкафчики были красивыми и надёжными. Так как он был большим любителем старинных песен и романсов, главным украшением нашего жилья был большой граммофон с огромной трубой, через открытое окно музыка и песни разносились по всей округе. Это были песни в исполнении Утёсова, Шаляпина, Руслановой и других певцов.

Его мастерство помогало нам выжить в трудные послевоенные годы, а любовь к песне он сохранил до конца дней, оба мои родители хорошо пели.

Отец любил меня, я это чувствовала: он носил меня на руках, катал на санках, всегда сопровождал на катание на санках с отвесных круч Фёдоровского ручья, играл со мной, рассказывал много интересного из своей жизни, он был очень компанейским, имел много друзей, его любили и уважали родственники, особенно племянники, сёстры, двоюродный брат.

Однажды зимой он взял меня на рынок, что находился до войны на Сенной площади, оставил меня сидеть на санках в лютый мороз, а сам удалился «на несколько минут» для разговора с давним другом. Уже вечерело, народу на рынке оставалось мало. Я заоченела, а он не приходил (тогда мне было около шести лет). Когда пришёл домой, вспомнил, что оставил меня на рынке, дома меня «оттаивали», а ему от мамы попало как положено.

Когда я была маленькая, он почему-то сажал меня к себе на шею, а поддерживал за ноги спереди. И вот один из таких «трюков» не удался: то ли он меня не удержал, то ли я плохо за него держалась, с высоты его роста я упала назад себя на каменистый тротуар, к счастью всё обошлось. Как позже выяснилось, отец был «выпимши».

(Воспоминания такие свежие, как будто это было вчера).

Далее стр. 13-16 посвящены памяти семье Прокофьевых, наших соседей (хозяев дома) по ул.Лассалья д.63.